

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73
УДК 32(045)

О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 2008 года)

Л. В. Крутаков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Первая статья цикла была посвящена рекомбинации мировой кредитно-денежной модели (Бреттон-Вудс) 1971–1973 гг. Точкой запуска рекомбинации стал Nixon Shock (отказ от золотого фиксинга доллара). Произошла замена мирового эквивалента стоимости (золото на нефть), остававшаяся долгое время «незамеченной» (не замечаемой). 2008 г. подмену обналчил. 1971 и 2008 гг. нельзя рассматривать независимо друг от друга. Речь не о циклических сбоях (они линейны), а о базовом (причина сбоев) изъяне модели. Причиной стал не ситуационный дефицит ресурсов роста, а дискриминационная природа права как такового, международного (регламент распоряжения эффектами роста на основе паритета сил) – в особенности. 1971 и 2008 гг. – déjà vu матрицы, где триггером (фактор, обостряющий хроническую болезнь) выступил односторонний подрыв (Nixon Shock и QE) регламента, определяющего функционирование мировой экономики (девальвация нормы). В обоих случаях США играли *va banque*. В 1971 г. изъян легализовали, возник новый (G7) международный формат или «картель потребителей нефти». В 2008 г. изъян предложено институализировать, признать неотъемлемой частью общей модели роста. Предложение не устроило развивающиеся страны (в первую очередь, Россию и Китай). Кризис, возникший как финансовый срыв, обернулся глубоким политическим противостоянием. **Ключевые слова:** кризис; глобализация; ОПЕК; «сланцевая революция»; энергетика; углеводороды; инфраструктура; «вертолетные деньги»; количественное смягчение

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market domination” in the energy sector (the 2008 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):65-73. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73

ORIGINAL PAPER

On the Political Nature of “Market Domination” in the Energy Sector (the 2008 Crisis)

L.V. Krutakov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This is the second article in the series. The first was devoted to the recombination of the world monetary model (Bretton Woods) 1971–1973. The trigger point for the recombination was the Nixon Shock (rejection of the gold fixing of the dollar). There was a replacement of the world equivalent of value (gold for oil), which remained “unnoticed” (not noticed) for a long time. 2008 cashed out the replacement. 1971 and 2008 cannot be considered independently of each other. This is not about cyclic failures (they are linear), but about the basic (cause of failures) flaw in the model. The reason is not a situational shortage of resources for growth, but the discriminatory nature of law as such, international law (regulations for disposing of growth effects based on parity of forces) in particular. 1971 and 2008 – déjà vu matrix, where the trigger (a factor that exacerbates a chronic disease) is a unilateral undermining (Nixon Shock and QE) of the regulations that determine the functioning of the world economy (devaluation of the norm). On both occasions the US played *va banque*. In 1971, the flaw was legalized, a new (G7) international format or “oil consumer cartel” arose. In 2008, it was proposed to institutionalize the flaw, to recognize it as an integral part of the overall model of growth. The proposal did not suit developing countries (primarily Russia and China). The crisis, which began as a financial breakdown, turned into a deep political confrontation.

Keywords: crisis; globalization; OPEC; “shale revolution”; energy; hydrocarbons; infrastructure; “helicopter money”; quantitative easing

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market domination” in the energy sector (the 2008 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):65-73. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-65-73

ВВЕДЕНИЕ

Вывод первой статьи гласил, что кризис 1971–1973 гг. был администрируемой рекомбинацией Бреттон-Вудской модели под новые условия (замена золотого содержания доллара на нефтяное). Кризис 2008 г. стал последним (до этого был кризис 80-х гг.) предупреждением международному сообществу о фактической исчерпанности актуальной модели экономического роста (виртуализации эффектов и системы учета).

Замена золотого содержания доллара на нефтяное установила между ними ценовую зависимость по принципу сообщающихся сосудов. Рост процентной ставки ФРС США вел к падению цен на нефть. В обратной последовательности механизм тоже работал. Нефть стала источником глобального платежного дефицита (сорбент долларовой инфляции) [1].

Как эквивалент мировой стоимости нефть идеально соответствовала кредитной модели. Объем золота ограничен физически. Там, где золото показывает инфляцию, нефть — рост мирового ВВП. Нефтяной рынок — матрица глобального рынка. Растет мировая экономика, растет потребление нефти, и наоборот. Нефть имеет свой, не связанный с финансовой системой доступ к доходам будущего — кредитный демпфер (доступ к доходам будущего).

Nixon Shock и «плавающий» валютный курс создали «волшебную» машинку по «превращению» долга США в главный ресурс мирового роста. Главный мировой должник «превратился» в главного мирового кредитора (транзит долгов прошлого в будущее). Был создан механизм волюнтаристского управления мировой стоимостью, позволяющий манипулировать инвестиционными потоками (формировать глобальное будущее) [1].

После первой рекомбинации доллар сохранял товарное содержание вплоть до 1986 г., а Бреттон-Вудская модель сохраняла контуры классической экономики, где труд — источник стоимости, а значит, прибыли, сбережений и инвестиций (источник роста). В 1986 г. цену нефти привязали к биржевым торгам деривативами, лишив доллар товарной опоры (виртуальный эквивалент).

Механизм консолидации мировых ресурсов под общую стратегию роста (глобальный кредит) лишился формальных ограничений, кроме силового обеспечения. Инвестиции могут

быть связаны либо с прошлым (сбережения), либо с будущим доходом (прогнозируемый результат проекта). В 2008 г. ФРС США включила программы QE, порвав с прошлым и обнулив мировые сбережения.

Была сделана ставка на будущие доходы в масштабе глобального рынка, но общий рынок оказался под ударом политических разногласий. Временная мера в виде эмиссии превратилась в инструмент рекомбинации. Объем эмиссии превысил все возможные ожидания. Кредитное плечо достигло размеров, за пределами которых прогноз невозможен, а гарантии исполнения обязательств по кредиту — беспочвенны.

Экономику «забросило» слишком далеко в будущее. Новая (родом из будущего) ликвидность в 10 раз превысила совокупный мировой продукт (забалансовый кредит). Сформировался долг (финансовый пузырь), исполнение которого эмитент, как выяснилось позже, обеспечить ни экономически, ни политически не в состоянии. Амбиции обогнали возможности.

Идея о замене золотого эквивалента доллара на нефтяной, породившая возможность манипуляции потоками мировой стоимости, очень долго маргинализировалась на системном уровне как теория заговора и конспирология. Но после 1986 г. она стала обретать характер научно обоснованной теории.

Одним из первых системную связь нефтяных цен и денежного рынка США выявил Владимир Зехин [2]. Работы Нуреддина Кришена о влиянии монетарной политики США на рынок нефти стоят особняком [3]. Владимир Кириллов и Екатерина Туманова связали цену нефти с ценами фьючерсов и индексом NASDAQ [4]. Людмила Разумнова и Николай Светлов построили математическую модель влияния на рынок нефти спекулятивного капитала (объем и доступность), которая легла в основу диссертации Л. Разумновой [5].

В первой статье для исследования связи доллара и нефти был предложен новый метод анализа. Его суть в корреляции двух переменных: товарного (движение материальных ценностей) и фондового (взаимодействие мотивационных механизмов) рынка [1]. Сегодня экспертное сообщество рассматривает их либо порознь, либо не различает (идентифицирует). В обоих случаях один из параметров предстает как случайная переменная.

НЕФТЯНОЙ КРЕДИТ ЗАКРЫЛСЯ

У нефти как товара есть одна принципиальная характеристика: у нее нет себестоимости, есть только операционные затраты, основная часть которых формируется на стадии разведки месторождения и его «обвязки» (вышки, трубы, дороги). Цена нефти такой же фетиш, в полном смысле этого слова (определяется политически). Когда добыча налажена, цена нефти влияет только на срок окупаемости вложенных средств.

Этот независимый от финансовой системы кредитный демпфер и сделал возможным использование нефти в роли всеобщего эквивалента. Если месторождение маленькое, и падение цен делает его нерентабельным (выносит срок окупаемости за пределы срока разработки), добычу не останавливают (инвестиции уже сделаны), просто риски переносятся на вновь открываемые месторождения (пролонгация кредита).

Доступ к доходам будущего — главное условие устойчивости нефтяного бизнеса как на уровне конкретной компании, так и всей отрасли. Опережающий рост запасов по отношению к росту темпов добычи, по сути своей, является обеспечительной мерой под постоянно растущее кредитное плечо (рост рисков) — *expected credit losses* (согласно МСФО 9, резервы под ожидаемые кредитные убытки).

В 1984 г. объем мировой добычи превысил вновь разведанные запасы, разрыв с тех пор растет — нефтяной кредит закрылся. Модель вышла за прогнозный горизонт (надуманность и неоправданность принимаемых решений). Локально (Россия, Канада, Иран, Венесуэла) кредит еще обеспечен (запасы растут быстрее добычи), но на глобальном уровне *expected credit losses* превышают резервы (отсроченный QE дефолт).

Отказ в 1971 г. от золотого фиксинга связал объем мирового долга с нефтью. Рост цен в 1973 г. увеличил (без роста добычи) емкость нефтяного рынка в 6 раз (с 36,6 до 220 млрд долл.). В целом мировая торговля выросла менее чем в 2 раза [1]. Резервы под *expected credit losses* мгновенно расширили по отношению к золоту, но ограничили их запасами нефти.

«Парадокс Триффина», известный как чисто финансовый феномен, получил нефтяное наполнение: увеличение глобального долга,

обеспечивающего экономический рост (инвестиции), требует либо постоянного роста физических запасов нефти, либо их постоянной переоценки (рост цен). Потенциал переоценки запасов ограничен, так как рост цен на нефть тормозит ее потребление и замедляет рост реальной экономики.

Пока рост запасов нефти опережал рост добычи, модель сохраняла равновесие. После скачка 1973 г. глобальный кредит рос без роста цен на нефть. Начиная с 1984 г. рост запасов перестал восполнять добычу¹, нефтяное содержание доллара (как и золотое) исчерпало себя.

Легитимно вернуть прогнозируемость модели мировой экономики можно, если сократить кредитное плечо. В логике актуальной политической модели мира это означает остановку долговой экспансии (пересмотр полномочий США как кредитора) и выработку новой валютной корзины расчетов международных сделок.

Второй легитимный способ вернуть управляемость — удлинить кредитное плечо. Быстро (скачком) нарастить резервы под *expected credit losses*. В замкнутом контуре экономики это требует кратного (в 10 раз) роста производительности труда или сопоставимого роста цен на нефть. Способ скорее фантастический, чем легитимный.

Третий способ наиболее реалистичный, но не легитимный: удлинить кредитное плечо экстенсивно, поставить на баланс новые промышленные и сырьевые активы, обеспечив дальнейший рост кредита (эмиссия долга). Обеспечить такие активы может только экспансия (расширение модели на Восток).

Скрытый дефолт по нефтяному кредиту поставил перед оператором модели (эмитент мировой валюты) неразрешимую, как казалось тогда, дилемму. Отказ от эмиссионного тормоза и переход на фьючерсную систему ценообразования нефти в 1986 г. дилемму разрешил, перезапустив модель на иных принципах функционирования.

С кредита сняли товарные (физические) ограничения. Вновь созданный рынок «бумажной нефти» мог, как тогда казалось, связать любой объем ликвидности — превратить инфляцию доллара в рост мирового ВВП. Сегодня, по дан-

¹ Hughes GSR Inc., 2009. URL: https://regnum.ru/uploads/pictures/news/2016/10/04/regnum_picture_1475611037977850_normal.JPG

ным Intercontinental Exchange (ICE), объем торгов «бумажной нефтью» на платформах ICE и NYMEX более чем в 1000 раз превышает объем продаж реальной (товарной) нефти².

Прогнозный горизонт раздвинули, минуя сокращение нефтяных запасов. Появилась возможность манипуляции долгами будущего за пределами предсказуемости результата. Нефтяной аналог «парадокса Триффина» — дилемма между ростом кредитного плеча и ростом мировой экономики (не ВВП) — получил свое разрешение через постоянный рост объема торгов «бумажной нефтью».

ИГРА С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

К моменту «нефтяного дефолта» (1984 г.) рынок технологически был готов к переходу на «бумажное» ценообразование. Спот достиг 55% рынка; объем реализуемой трейдерами (финансовые посредники зарабатывают как на росте цен, так и на их падении) нефти превысил 50%; доля ОПЕК упала с 52 до 28%³. «Размыли» долю ОПЕК Мексиканский залив, Аляска, Северное море и политическая разрядка. Нефтяной экспорт СССР к 1989 г. вырос почти вдвое (67 и 127,3 млн т)⁴.

В 1986 г. США создали новую реальность — виртуализировали эквивалент, лишили доллар товарного содержания, привязав его к «бумажной нефти». Накануне (22 сентября 1985 г.) страны G7 («картель потребителей нефти») подписали «соглашение Плаза» и привязали свои валюты к доллару, де факто признав нефть эквивалентом мировой стоимости, а доллар — ее эксклюзивным представителем.

Без «Плазы» мировой рынок ждал либо дикий рост цены нефти, либо — «цены» доллара. Оба варианта означали конец глобализации (гибель Бреттон-Вудской модели). Валютный союз распределил «издержки» низких цен между участниками «картеля потребителей нефти», а фьючерсное ценообразование позволило и далее наращивать кредитное плечо за счет роста объема продаж «бумажной нефти».

Долги прошлого девальвировали. Модель в буквальном смысле повисла на честном слове главного брокера. Объем запасов нефти потерял видимое (подчеркну — видимое) значение. Союз нефти и доллара оформят прямым контрактом. Goldman Sachs, Morgan Stanley и Мексика (Pemex) договорятся о сделке (Hacienda hedge), которая станет самой крупной и самой закрытой на рынке «бумажной нефти» (таковой остается).

В 1986 г. Pemex первой из всех компаний привязала цену добываемой нефти к «бумажному рынку», где Hacienda hedge играет роль ориентира для крупных игроков. Большинство экспертов оценивают Hacienda hedge в товарной логике: цена нефти по году падает ниже захеджированной — Pemex получает премию к рынку (сверхприбыль), поднимается выше — выигрывают банки (Pemex выгоду упускает).

Логика мотиваций ставит здесь неприятный вопрос: если сделка рыночная (честная ставка), почему она закрытая? В логике мотиваций сделка видится как страховой полис, ежегодно выписываемый банками США. У Pemex до недавних пор не было своей нефтепереработки, почти вся нефть шла в Америку. Сделка по факту гарантирует цену сырья для американских НПЗ. Goldman Sachs и Morgan Stanley в неформальной среде называют «нефтеперерабатывающими заводами Уолл-Стрит».

Pemex от сделки не выигрывает и не проигрывает, а получает гарантированную выручку независимо от ценовых скачков. Старший экономист МВФ Фабиан Валенсия считает, что сделка помогает Мексике «платить по суверенному долгу на 30 базисных пунктов меньше» [6]. Вторая сторона сделки (реально, первая) определяет движение капитала на фондовом рынке и проиграть тоже не может. Базовая ставка участникам Hacienda hedge известна, а игра идет весь год (одной сделкой не ограничивается).

Казалось, фьючерс открыл безграничные возможности роста глобального кредита без роста цен, породив феномен постиндустриальной (транзакционной) экономики. Дело в том, что низкая цена на нефть лишает ресурсные страны инвестиционного потенциала. Наращивать добычу они могут только за счет средств, привлекаемых с финансовых рынков, наращивая тем самым возможности (экономическая власть) кредитора.

² Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>

³ BP Statistical Review of World Energy; 2019.

⁴ Острые грани «черного золота» История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/rodina-neft.html>

В 2000 г. распахнутые в 1986 г. ворота в будущее закрылись. Бесконечный, казалось, рынок «бумажной нефти» оказался конечен. Нефть пошла вверх, достигнув к июню 2008 г. исторического максимума как в номинальном выражении — 147 долл./барр., так и в реальном — более 100 долл. По экспоненте, вместе с ростом товарных цен, росла емкость рынка «бумажной нефти» и его объем (количество операций в единицу времени).

В 2008 г. наступило очередное (после 1971 г.) фиаско рынка (распад равновесия Парето), дезориентация рыночного механизма распределения эффектов роста. Цены рухнули вниз, лишив глобальный кредит содержания. Спусковым крючком срыва послужил отказ Китая, Индии и Бразилии вскрыть свои кредитно-денежные системы для игр мирового финансового рынка, провалился Дохийский раунд переговоров ВТО.

В очередной раз подтвердилось правило, что кризис всегда носит управленческий (субъектная недостаточность) характер, даже если он финансовый или экономический.

ЗАПАС КАРМАН НЕ ТЯНЕТ

Путь к кризису 2008 г. начинался в 2000 г. Начало века было переломным по многим параметрам, но определили перелом три тренда (драйверы): экономический рост Китая и Индии (расширение круга игроков); прогрессирующее по отношению к добыче падение запасов нефти (финансовый пузырь); изменение географии мировой ресурсной базы и путей транспортировки энергоносителей (диспаритет сил).

К 2000 г. был достигнут предел обеспечения глобального кредита через рост числа сделок с «бумажной» нефтью без роста цен и запасов физической нефти. Вздулся пузырь формально частных, а реально — государственных (номинированы в долларах США) обязательств, обеспеченных вероятностными доходами будущего. Пузырь требовал снижения фактора вероятности — роста цены нефти, либо «цены страха» (внеэкономическое принуждение).

В 2000 г. стартовало глобальное нефтяное ралли, беспрецедентное по длительности и параметрам — 1000% (с 14 до 147 долл./барр.) роста за 8 лет (в 1973–1974 гг. цена выросла на 500% за год). А в 2001 г. случился глобальный, беспрецедентный по масштабу, теракт (атака на башни ВТЦ), породивший глобаль-

ный терроризм и глобальную антиофшорную операцию — глобальный аудит счетов, авуаров и проводок.

Глобальное ралли было не скачкообразным, а планомерным. Рост цен не нес ущерба экономике стран Запада («общий проект»). К моменту старта ралли Запад вывел трудоемкое производство в Азию. Процесс был не спонтанным. Крах СССР и социалистического сектора мировой экономики запустил глобальный трансфер — передел мировой ренты.

Запад перешел на дефляционный (постиндустриальный или транзакционный) рост («экспорт нищеты»). В цене конечного (реализуемый на рынке) продукта стали расти сервисные затраты (маркетинг, реклама, лицензия), а трудовые — падать. Услуги концентрировались в центре модели, а производство отправлялось на периферию. Энергоемкость центра упала до 8–10% ВВП, периферии — выросла до 20–25%.

Издержки роста цен на нефть покрывала периферия (низкая цена труда), а выгоду (рост кредитного плеча) извлекал центр. В цене iPad сырье и материалы занимают 31%, реклама — 15%, прибыль — 30%, а оплата труда китайских рабочих — 2% [7].

Рост цен был исторически беспрецедентным. 100 лет (предшествующих ралли) цены на сырье ежегодно снижались на 0,7% в пересчете на весь период. Если цена вдруг росла, то всегда скачком с последующим отскоком (коррекция). Начиная с 2000 г. сырьевые цены росли очень долго (в целом до 2014 г.) и поступательно (целенаправленно).

Рост шел на фоне рекордно низких процентных ставок ФРС и снижения реального эффективного курса доллара. Ставки по федеральным фондам США стояли на уровне 1%, а по казначейским векселям — менее 1%. Рынок вел себя антирыночно. Стратегические и коммерческие запасы нефти росли, темпы промышленного роста падали, предложение значительно превышало спрос, но цены все равно продолжали расти. Только за 8 лет и только стратегический запас США вырос с 541 до 702 млн барр.⁵

Работала связь цены нефти и «цены» доллара, но с обратным эффектом. После вывода производства в Азию надобность борьбы с инфляцией отпала. Дефляционный трансфер

⁵ Сайт Министерства энергетики США. URL: http://www.eia.doe.gov/emeu/mer/pdf/pages/sec3_13.pdf.

экспортировал ее на производственный периметр финансового рынка — в сберегающие страны, которые «застряли» в индустриальном (нецифровом) формате. Поэтому ФРС ставку снизила, цены выпустили на волю.

Кредитное плечо стало расти, появилась возможность увеличения инвестиций в альтернативные источники энергии (на тот момент: сланцевая революция и СПГ-индустрия). По данным Barclays, к моменту обвала цен в 2014 г. объем средств, привлеченных с фондового рынка сланцевыми компаниями США, вырос в 9 раз. При этом рынок высокодоходных облигаций за это время вырос всего в 2 раза [8].

Вместе с ростом цен на нефть по экспоненте рос рынок «бумажной нефти». В 1992 г. товарная нефть занимала на NYMEX пятое место по объему торговли биржевыми контрактами, в 1997 г. ни один товарный контракт не входил в «мировую десятку»⁶. Две трети контрактов, котируемых на мировых товарных биржах, были финансовыми (спекуляциями). К 2008 г. объем реальных сделок не превышал 5%, в сегменте нефтяных контрактов — 2%.

Рост «бумажного рынка» носил взрывной (кратный по отношению к товарному) характер. В 2000–2006-х гг. инвестиции в нефтяные деривативы превысили сделки с реальным товаром в 30–35 раз⁷. По данным МЭА, в июле 2008 г. вложения в «бумажную нефть» были в 4 раза выше, чем в январе 2006 г.⁸ «Бумажную» природу роста экономики (симуляция роста) демонстрируют две цифры: с 2004 по 2007 г. мировой ВВП вырос на 31,4%, а потребление нефти — всего на 3,38%.

«Бумажный взрыв» обеспечивала не только «невидимая рука» (переток капитала после ипотечного кризиса в США и Dot-com bubble). Были и видимые причины. В 1999 г. США отменили закон Гласса-Стигалла, разрешив финансовым организациям совмещать коммерческий и инвестиционный банкинг (конфликт интересов). В 2000 г. сняли запрет на участие страховых и пенсионных фондов в высокорискованных биржевых операциях.

С 2003 по 2008 г. инвестиции фондов в сырьевые индексы выросли в 20 раз (13 и 260 млрд долл. — 1900%). Вложения институциональных инвесторов в хедж-фонды только в 2007 г. выросли на 300 млрд [5]. Но самыми крупными игроками, по словам советника Комиссии по торговле товарными фьючерсами США (CFTC) Дэна Уолдмана, оставались «нефтеперерабатывающие заводы Уолл-Стрит» — Goldman Sachs и Morgan Stanley⁹.

Рациональное действие всегда мотивировано (причина — цель). Причины бума в общих чертах понятны — истощение нефтяных запасов, сокращение глобальных резервов под expected credit losses, фиаско рынка. Чтобы понять цели, надо взглянуть на глубину и географию истощения запасов. Истощение — явление нелинейное, происходит не ровным слоем по поверхности, а сегментированно. В финансовом измерении истощение запасов выглядит общим бедствием, а в реальности оно обеспечивает конкурентное преимущество одним странам перед другими.

Сократившаяся в 2 раза после 1973 г. рыночная доля ОПЕК с 1988 по 2008 г. вновь увеличилась до 63,3%, экспорт вырос с 13,5 до 24,2 млн барр./д¹⁰. Общий удельный вес развивающихся стран в мировом экспорте сырой нефти превысил 73%. Параллельно падала доля развитых стран.

В Северном море общая добыча за 7 лет снизилась на 40% (до 1,6 млн барр./д), дебет крупнейшего месторождения Forties к 2005 г. упал в 7,5 раза (с 0,5 млн до 65 тыс. барр./д) [9]. Норвегия пик добычи прошла в 2001 г. (3,4 млн барр./д). Минэнерго США в 2007 г. прогнозировало, что к 2030 г. добыча Норвегии упадет до 1,4 млн барр./д, Англии — до 0,5 млн барр.¹¹ Производительность крупнейших нефтяных полей Северной Америки, где добывается около 50% нефти, достигла пика намного раньше — в 1983 г. [9].

В 1988 г. на Северную Америку приходилось около 10% мировых достоверных запасов нефти, к концу 2000-х гг. показатель упал до 5,6%. Доля Латинской Америки и Африки вы-

⁶ URL: <http://www.hedging.ru/publications/120>

⁷ Trade and Development Report 2008, UNCTAD. URL: <http://www.unctad.org/Templates/Webflyer.asp?docID=10466&intItemID=3492&lang=1>

⁸ Ведомости 29.07.2009. URL: http://www.rusipoteka.ru/lenta/market/neftyaney_ceny1

⁹ Там же.

¹⁰ OPEC Annual Statistical Bulletin 2008. URL: <http://www.opec.org/library/Annual%20Statistical%20Bulletin/pdf/ASB%202008.pdf>

¹¹ International Energy Outlook 2007. URL: [www.tonto.eia.doe.gov/FTP/forecasting/0484\(2007\).pdf](http://www.tonto.eia.doe.gov/FTP/forecasting/0484(2007).pdf)

росла с 13 до 20%. Еще больший диспаритет сложился в области прав доступа к мировым запасам нефти. К 2008 г. 88% запасов перешли под контроль национальных компаний, доля международных компаний снизилась до 6%, а доля пятерки мейджоров — до 2,3%¹².

Помимо географии сокращения мировой энергетической базы, не менее важным аспектом является изменение ее качества. Объем добычи и уровень запасов падает на «старых» месторождениях (так называемые мегапроекты), обеспечивших промышленный бум. Мегапроекты давно окупили себя и перешли в режим условной сверхприбыли, обеспечивая «эпоху низких цен». В соответствии с нефтяным «парадоксом Триффина», своей доходностью они покрывали инвестиции в разработку «новых», без них не окупаемых, месторождений.

Открываемые после 2000 г. месторождения — меньше, а главное — «дороже». Во-первых, меньший объем запасов (срок окупаемости) сокращает общее кредитное плечо. Во-вторых, расположены они либо за Полярным кругом, либо на глубоководном шельфе (часто и то и другое вместе). «Во-первых» и «во-вторых» повышают объем первичных инвестиций и требуют более высоких цен на выходе.

Средний размер открываемых в 2000-х гг. месторождений сократился в 5 раз (с 250 до 44 млн барр. н.э.). Крупными стали считаться месторождения с объемом в 1,0–1,9 млрд барр., что в десятки раз меньше объемов, которые считались крупными в 1970-х гг. Сократилось также и общее количество открытий: в 2000–2005 гг. — 2,4 тыс., в 1986–1990-х гг. — 2,7 тыс. месторождений¹³.

В 2007 г. Ассоциация американских геологов-нефтяников (AAPG) констатировала: прирост мировых конечных извлекаемых запасов гигантских месторождений упал с 262 млрд барр. в 1970–1980-х гг. до 105 млрд барр. в 1990–2000-х гг., а их доля — с 56,8 до 43,4%. В объеме конечных извлекаемых запасов доля двадцати самых крупных месторождений составила всего 14,9% [10]. Десять из них были открыты более 50 лет назад.

В 2004–2005 гг. запасы жидких углеводородов восполнялись только на 80%. В 2007 г. на конференции IHS — KNOС Conference Energy в Токио отмечалось, что 88% прироста доказанных запасов нефти в мире в последние двадцать лет являются аналитической переоценкой прежних запасов, а не результатом открытия новых [11].

Если раскладывать мегаместорождения по их правовой (национальной) принадлежности, то картина выглядит еще печальней. На тот момент в мире насчитывалось примерно 50 тыс. месторождений, из них крупнейшими являлись около 500 (1%), подавляющая часть (46%) принадлежали странам ОПЕК [12].

К 2008 г. пузырь долговых обязательств, обеспеченных доходами вероятного будущего, достиг предела. Причиной очередного рыночного фиаско стал не внезапно разразившийся финансовый кризис (кассовый разрыв), а рост вариативности будущего — конец «конца истории», распад монополярного мира.

Провал Дохийского раунда переговоров ВТО об открытии кредитно-денежных систем Бразилии, Индии и Китая многократно нарастил число рисков возврата инвестиций Запада, произведенных опережающим темпом из расчета будущих прибылей (заделы). Модель достигла предела (отсутствие внутренних демпферов), и «отыграть» новый вызов «мирно» в рамках конструкта уже не могла.

ВЫВОДЫ

В 1971 г. Бреттон-Вудская модель мироустройства (золотой залог) умерла — Nixon Shock и Смитсоновские соглашения перезапустили ее в нефтяном исполнении. В 1984 г. модель впадала в «анафилактический шок» — Plaza Accord и фьючерс вернули ее к жизни. В 2000 г. исчерпало себя и «бумажное» наполнение кредита, а силовое уперлось в нежелание периферии жить по «плану» центра.

В 2008 г. модель погрузили в «искусственную кому», дополнительно накачав долгами будущего («химиотерапия»). Накануне программ QE ФРС США снизила ключевую ставку до 0,25%, сделав обслуживание долга практически бесплатным (с учетом инфляции, отрицательным). Одновременно Конгресс принял «план Полсона», разрешив ФРС платить проценты банкам, чтобы они полученные от ФРС деньги

¹² Министерство энергетики США. URL: http://tonto.eia.doe.gov/energy_in_brief/world_oil_market.cfm

¹³ A Global Review of High-Impact Wells, 2006–2009. Материалы конференции IHS North-East Asia Energy Conference. URL: <http://www.energy.ihs.com/NR/rdonlyres/6571F894-EB 87.../AGlobalReviewAH.pdf>

оставляли у них же на счетах, покрывая отрицательную доходность.

QE стало «шоковой терапией» для «отказников». Новая ликвидность обусловила целевое вымывание перспективных разработок и талантов из стран периферии (рынок стартапов). Промышленные проекты вошли в стадию тяжелой трансформации, энергетический сектор заморозили, рынок технологий закупили.

Основная часть из напечатанных США в ходе QE 16 трлн долл. не нашла применения в реальной экономике. На банковских счетах скопилась и продолжает расти огромная денежная масса. Она ожидает «часа X» — открытия новых рынков. Задача не решена, мировая экономика находится в состоянии рецессии, порожденной политической неопределенностью. Здесь сконцентрирован вызов. Отсюда попытка сформировать общую позицию на экологической основе — всемирное потепление. Отсюда экстренное создание и капитализация рынков газа, ВИЭ и CO₂.

Ликвидация прошлого (сбережения) хаотизировала будущее. Платой за усиление исполнительской дисциплины парадоксальным образом стала потеря управляемости (невозможность прогноза).

Опасной иллюзией является представление, что финансовый пузырь вздулся где-то там за океаном, в Америке. Мы все (все без исключения) находимся внутри этого пузыря. В долларовом эквиваленте закредитованы не только предприятия, но и их собственники, не только страны, но и представители власти этих стран. Разрушение модели будет означать не только разрушение проекта общего будущего, но и жизненный крах всей (или почти всей) мировой номенклатуры и ее сервильной подкладки (спекулянты смыслами).

Номенклатурная общность (претензия на постоянство власти, с одной стороны, стабилизирует систему (удерживает от распада), а с другой — стеной стоит на пути реального (вне модели) будущего, толкает модель к краху.

Политические и экономические сдвиги, происходящие сегодня в мире, нельзя рассматривать как самостоятельные явления. Это не разрозненные картинки, а фрагменты общего пазла, разобранного и разнесенного по разным углам человеческого знания. Мир плавно вкатывается в новую эру. Начинать придется с принятия нового эквивалента и создания новой системы координат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Крутаков Л. О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;(2):72–82.
Krutakov L. On the political nature of «market dominance» in the energy sector (crisis of 1973). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;(2):72–82. (In Russ.).
2. Зехин В. Многомерный статистический анализ и прогнозирование основных показателей конъюнктуры мирового рынка нефти. Дисс. ... канд. экон. М.: Московский экономико-статистический институт; 1996. 156 с.
Zekhin V. Multivariate statistical analysis and forecasting of the main indicators of the global oil market. Diss. ... cand. Economy. Moscow: Moscow Institute of Economics and Statistics; 1996. 156 p. (In Russ.).
3. Krichene N. A Simultaneous Equations Model for World Crude Oil and Natural Gas Markets IMF Working Paper African Department. February 2005 WP/05/32; Krichene N. Crude Oil Markets: Monetary Policy and the Recent Oil Shock. IMF Working Paper African Department March 2006 WP/06/62; Krichene N. Recent Dynamics of Crude Oil Prices. IMF Working Paper African Department. December 2006 WP/06/299.
4. Кириллов В., Туманова Е. Финансово-рыночные аспекты поведения нефтяных цен. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/1163/1308/>
Kirillov V., Tumanova E. Financial and market aspects of the behavior of oil prices. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/1163/1308/>. (In Russ.).
5. Разумнова Л. Трансформация мирового рынка нефти в условиях финансовой глобализации». Автореф. дисс. ... д-р экон. наук. М.: ГОУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина»; 2010.
Razumnova L. Transformation of the world oil market in the context of financial globalization. Abstract diss. ... doctor of economics. Sciences. Moscow: GOU VPO “Gubkin Russian State University of Oil and Gas”; 2010. (In Russ.).

6. Blas J. Uncovering the Secret History of Wall Street's Largest Oil Trade. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2017-04-04/uncovering-the-secret-history-of-wall-street-s-largest-oil-trade>
7. Ulrich E., Wijkman A. W. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome, Springer Science+Business Media LLS; 2018.
8. Крутаков Л. Игра в нефть. *Коммерсант-Власть*. 2015;(6):20–24.
Krutakov L. Game in oil. *Kommersant-Power*. 2015;(6):20–24. (In Russ.).
9. Robelius F. Giant Oil Fields. The Highway to Oil: Giant Oil Fields and their Importance for Future Oil Production. URL: http://www.odac-info.org/bulletin/documents/PhD_GOF.htm
10. Horn M. K. 2003, Giant fields 1868–2003, Data on a CD-ROM, in M. Halbouty, ed., Giant oil and gas fields of the decade 1990–1999: AAPG Memoir 78, 340 p. Modified November 2006 in order to reflect giant oil discoveries 2000–2006; Salvador, Amos, 2005, Energy: A historical perspective and 21st century forecast: AAPG Studies in Geology 54, p. 33–121. Horn, M.K., 2007, Giant fields trends 1 and 2: *Oil and Gas Journal*.
11. Stark P., Chew K., Fryklund B. Challenges in Transforming O&G Resources to Supplies. URL: <http://energy.ihs.com/Resource-Center/Presentations/2006-archive.htm>
12. Robelius F. Giant Oil Fields. The Highway to Oil: Giant Oil Fields and their Importance for Future Oil Production URL: http://www.odac-info.org/bulletin/documents/PhD_GOF.htm

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Леонид Викторович Крутаков — доцент департамента массовых коммуникаций и рекламы, Финансовый университет, Москва, Россия

Leonid V. Krutakov — Associate Professor, Department of Mass Communications and Advertising, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

lvkrutakov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.03.2022; accepted for publication on 04.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.